

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423
EDN: PSZNNU

О НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И КУМЫКСКОМ ЯЗЫКАХ

Борис Абдулкеримович Мусуков¹, Людмила Хамангериевна Махиева²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ bmusukov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

² liudmila.makhiieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

Аннотация. В статье комплексно исследуются особенности номинации тюркских фитонимических наименований на материале карачаево-балкарского и кумыкского языков, образованных по различным словосложительным моделям способом примыкания и способом сочинительного согласования от равноправных элементов. В ней рассматриваются метафорические особенности лексикализованных словосочетаний, которые объединяются только по семантическому признаку и по общим морфологическим значениям и отличаются друг от друга структурными отношениями. Анализ растительных словосочетаний свидетельствует о том, что «сдвоенные» наименования, выступающие в номинативно-нарицательном и терминообразующем значениях, теряют свои отдельные компоненты в некоторых новообразованиях, вступая в соединение, часто «сокращают форму» (иногда первое слово теряет аффикс, иногда – второе). Фитонимические словосочетания, выступающие в отдельных случаях как неразложимые лексические, грамматикализованные и фразеологические единства, свидетельствуют о лексико-семантической и грамматической трансформации моделей свободных словосочетаний.

Ключевые слова: флористическое словосочетание; метафорические особенности; фитонимы; названия растений; принципы номинации; отраслевая лексика.

Для цитирования: Мусуков Б.А., Махиева Л.Х. О номинации растений в карачаево-балкарском и кумыкском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 411-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423. EDN: PSZNNU.

© Мусуков Б.А., Махиева Л.Х., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

ABOUT THE NOMINATION OF PLANTS IN THE KARACHAY-BALKAR AND KUMYK LANGUAGES

Boris A. Musukov¹, Lyudmila Kh. Makhieva²

^{1,2} Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ bmusukov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

² liudmila.makhiieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

Abstract. The article comprehensively studies the nominative features of Turkic geobotanical names based on the material of the Karachay-Balkar and Kumyk languages, formed according to various word-composition models by the adjoining method and the method of coordinating agreement from equal elements. It examines the metaphorical features of lexicalized phrases that are united only by semantic features and common morphological meanings and differ from each other in structural relationships. An analysis of geobotanical phrases shows that “double” names, which appear in nominative-common and term-forming meanings, lose their individual components in some new formations; when combined, they often “shorten their form” (sometimes the first word loses the affix, sometimes the second). Geobotanical phrases, which in some cases act as indecomposable lexical, grammaticalized and phraseological units, testify to the lexical-semantic and grammatical transformation of free phrase models.

Keywords: geobotanical phrase; metaphorical features; phytonyms; plant names; nomination principles; industry vocabulary.

For citation: Musukov B.A., Makhieva L.Kh. About the nomination of plants in the Karachay-Balkar and Kumyk languages. IN: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 411-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423. EDN: PSZNNU.

© Musukov B.A., Makhieva L.Kh., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Фитонимические наименования, как часть лексического состава ономастики карачаево-балкарского и кумыкского языков, исследуются учеными с точки зрения различных областей знания. В их названиях отражаются жизнь и практическая деятельность карачаевцев и балкарцев. Они вместе с наименованиями животного мира формируют основу жизненного процесса того или иного народа. Поэтому анализ растительных названий карачаевцев и балкарцев имеет важное научно-теоретическое значение. Первостепенное значение имеет изучение отдельных вопросов этой отраслевой лексики, рассмотрение их словообразовательной структуры и особенностей историко-генетических пластов. При описании наименований растений в карачаево-балкарском языке необходимо выделить основные принципы и способы номинации и давать обширные исторические и этимологические экскурсы. Фактические материалы по фитонимии карачаево-балкарского и кумыкского языков могут найти полезное применение при описании языковых универсалий, основных принципов терминотворчества и упорядочении растительной лексики, особенностей лексикографирования словообразовательных моделей фитонимов, аналитических и синтаксических тенденций их развития.

Важным в этом отношении является изучение этнокультурных интеграционных особенностей терминов. Определяя принципы номинации и стратификации фитонимической лексики, следует обратить внимание на то, что исследование данного разряда лексики вызвано отсутствием отраслевых терминологических единиц, употребляемых как изолированные формы.

Теоретические обобщения материалов карачаево-балкарского и кумыкского языков, нормативная квалификация флористических единиц могут быть

использованы при совершенствовании терминологической системы, при рассмотрении проблем этнической истории, материальной и духовной культуры карачаевцев и балкарцев.

Флористическая лексика употребляется как один из наиболее богатых и древних пластов лингвистического ресурса карачаево-балкарского языка, имеющего не только историко-лексикологические, но и историко-культурные особенности.

Надо отметить и то, что в названиях растений выступают лексемы, свойственные только для определенной территории. Следует обратить внимание на то, что в функционировании того или иного наименования растений нельзя провести точную линию. Это зависит от многих обстоятельств, например, от географических условий обитания местных жителей, рельефа местности.

В народной флористической лексике карачаево-балкарского языка определенное место занимают заимствования из русского и арабо-персидского языков. Следует обратить внимание и на то, что при образовании названий травянистых растений и, связанных с ними терминов, особое место занимают исконно карачаево-балкарские слова.

Наименования растений, заимствованные из арабского и персидского языков, в карачаево-балкарском языке появились через тюркские языки среднеазиатской зоны. Работа посвящена одной из актуальных проблем карачаево-балкарского языкознания – системному анализу народных названий растений в синхронном и диахронном аспектах с вовлечением фитонимических материалов родственных и неродственных языков. В ней рассматриваются основные принципы номинации этой отраслевой лексики, раскрываются такие явления, как расширение или сужение лексико-семантических особенностей производящих основ, ареалы их распространения, характер и состав словообразовательных ресурсов, участвующих в образовании растительных наименований.

Основная часть

Исследование, связанное с лингвистической характеристикой фитонимов, как ценный источник в лексике народных говоров, может пролить свет на спорные вопросы истории языка, его современного состояния, способов словотворчества, усовершенствования терминологии. Флористическую лексику необходимо исследовать с точки зрения ее состава и происхождения, взаимоотношения диалектной и литературной лексики, переплетения синхронных и диахронных средств, особенностей употребления некоторых лексических слоев в обстановке усиливающегося воздействия литературного языка на диалекты и местные говоры. Все более несомненным становится обязательность изучения диалектной лексики и лексики народных говоров по тематическим разрядам в этом направлении в фонетико-грамматическом и лексико-семантическом планах.

Рассматривая принципы номинации фитонимов в карачаево-балкарском и кумыкском языках, следует обратить внимание на морфологические особенности растений, которые передаются как с помощью колоративного компонента, так и субстантивного, выступающего в большинстве случаев позиционно в функции определения. Отличительной особенностью номинации растений является

то, что свободные словосочетания, употребляемые в этимологическом значении, значении компонентов, в процессе языкового развития, в результате расширения или сужения лексико-семантических особенностей терминообразующих основ, становятся изолированными и переходят в разряд простых слов или лексикализованных единиц.

К числу продуктивных способов номинации растений относится семантический способ, при котором значения компонентов не отражаются в лексико-семантической структуре общего значения, например, *акъ тамыр* с общим значением '*пырей остистый*' и значениями *составляющих частей*: *акъ* '*белый*' и *тамыр* '*корень*' [Семенова 2010: 80]; *акъсыргъа* с общим значением '*чемерица белая*' и значениями компонентов: *акъ* '*белая*' и *сыргъа* '*серьга*' [Семенова 2010: 80]; *акътерек* бот. с общим значением '*осина//осиновый*' [КРС 2013: 27]; *акътал* бот. '*тополь//тополевый, тополиный*' [КРС 2013: 27]. Особенностью колоративных фитонимических двухкомпонентных словосочетаний с метафорическим значением является то, что в одних случаях компоненты пишутся раздельно, когда фразовое ударение находится на первом компоненте, в других случаях – слитно, когда фразовое ударение находится на втором компоненте.

В карачаево-балкарском и кумыкском языках отмечаются в наименованиях растений и свободные словосочетания, употребляемые в значении составляющих компонентов: *акъ дугъум* с общим значением '*смородина белая*' [Семенова 2010: 79] и значениями компонентных частей: *акъ* '*белая*' и *дугъум* '*смородина*'; *акъ къайын* с общим значением '*белая береза*' и значениями составляющих основ: *акъ* '*белая*' и *къайын* '*береза*' [[ТСКБЯ 1996: 97]; *къаратал* бот. с общим значением '*чернотал*', '*черный тополь*' и значениями составляющих частей: *къара* '*черный*' и *тал* '*тополь*' [КРС 2013: 221]; *къараюзюм* бот. с общим значением '*черный виноград*' и значениями компонентов: *къара* '*белый*' и *юзюм* '*виноград*' [КРС 2013: 221].

Несмотря на существование богатого и многостороннего растительного, не все травянистые растения определенной местности зафиксировали свои названия. Номинацией обозначены лишь те растения, с которыми носители языка чаще всего встречаются в своей повседневной трудовой деятельности.

Фитонимические свободные словосочетания выполняют номинативную функцию, являясь терминологическими наименованиями, переходят в разряд фитонимов и становятся частью этой отраслевой лексики, выступая в качестве устойчивой конструкции. В результате лексикализации, а также грамматических, структурно-фонетических преобразований устойчивые словосочетания утрачивают особенности своего сложного морфологического состава и переходят в разряд простых слов, теряя компонентное значение. В процессе лексикализации устойчивые словосочетания переходят в неделимые по своему лексическому составу флористические наименования, сохраняя общее грамматическое значение, а также смысловое и функционально-семантическое единство компонентов. Первоначальную лексико-грамматическую форму словосочетания можно будет восстановить только в результате этимологического анализа и вследствие морфологической сегментации формирующих частей.

Фонетические модификации наблюдаются и в компонентах лексикализованного словосочетания *къарагъач* ‘лиственница’, в котором сочетаются на стыке двух корней две однородные гласные фонемы *а*: одна в конце цветообозначающей основы *къара* ‘черный’, другая – в начале субстантивной единицы *агъач* ‘лес’.

Номинативная функция геоботанических свободных и лексикализованных словосочетаний в карачаево-балкарском и кумыкском языках подразделяется на две разновидности – производные и непроизводные растительные основы. К числу производных единиц относятся фитонимические конструкции, образованные: 1) по модели словосложительных лексем, например, *акъ жууа* ‘белый гриб’ [Семенова 2010: 79]; *акъ къаура* ‘лобазник’ [Семенова 2010: 80]; *акъ тут* ‘туттовник белый’ [Семенова 2010: 80]. Препозиционный атрибутивный элемент выражается именем прилагательным, а постпозиционный субстантивный компонент – именем существительным; 2) флористические наименования, образованные по модели изафетной конструкции (изафет второй): *акъ чён баишы* ‘белый костер’ [Семенова 2010: 80]; *байрым гюлю* ‘иерихонская роза’ [Семенова 2010: 82]; *байрым оту* ‘шалфей содовый’ [Семенова 2010: 82]. В отмеченных наименованиях изафетные конструкции образованы с помощью инвентарных единиц морфологии – грамматических аффиксов *-ы*, *-у/-ю*; 3) наименования растений, образованные с помощью грамматического аффикса множественного числа *-ла*: *гъыжгъыжла* ‘скрипки’ [Семенова 2010: 84]; *орус къызыл(ла) уст.* ‘помидоры’ [Семенова 2010: 93].

В кумыкском языке в разряде фитонимической лексики встречаются двухкомпонентные лексикализованные словосочетания, выступающие в качестве устойчивой конструкции. Их можно отметить в обозначении названий сорнополевых растений, например, *шанжалтегенек*, состоящий из двух субстантивных основ *шанжал* ‘стул’ и *тегенек* ‘колючка’ [КРС 2013: 460]. Слово *шанжал* ‘стул’ употребляется в качестве атрибутивного компонента. Лексико-семантической особенностью отмеченного атрибутивного словосочетания является то, что компонентное значение не сохраняется, а функционирует новое значение ‘якорцы наземные’. В кумыкском языке употребляются и другие лексикализованные словосочетания, в которых компонентное значение теряется, а препозиционный субстантивный компонент выполняет атрибутивную функцию, например, *аткъулакъ* с общим обобщенно-собирательным значением ‘конский щавель’ и значениями составляющих частей *ат* ‘лошадь’ и *къулакъ* ‘ухо’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]; *хоразчечек* – общее значение ‘горицвет’ со значениями компонентов *хораз* ‘петух’ и *чечек* ‘цветок’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]; *обгюзкъулакъ* – общее значение ‘коровяк’ со значениями составляющих частей *обгюз* ‘вол, бык’ и *къулакъ* ‘ухо’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298].

Среди лексикализованных растительных словосочетаний, выступающих как метафорические единицы в кумыкском языке, выступают конструкции, в которых в качестве препозиционной основы отмечаются имена числительные, так

же традиционно не сохраняющие своего значения, например, *кьыркъбувун* с общим переносным значением ‘хвоиц’ и значениями компонентов: *кьыркъ* ‘сорок’ и *бувун* ‘узел’ [КРС 2013: 254].

Среди лексикализованных флористических конструкций, выступающих как преобразованные устойчивые словосочетания, утратившие особенности своей сложной лексико-семантической структуры, в кумыкском языке отмечаются двухкомпонентные единицы, в составе которых первая часть употребляется как имя прилагательное, например, *кьызыльяпыракъ* с общим обобщенно-собирательным значением ‘репейник’ и значениями составляющих элементов: *кьызыл* ‘красный’ и *япыракъ* ‘лист’ [КРС 2013: 249].

Лексикализованные фитонимические наименования в кумыкском языке, состоящие из двух сегментов, отмечаются и среди других фитонимических единиц, например:

1) в наименованиях лесных насаждений: *телинарат* – с общим значением ‘ель’ и значениями компонентов: *тели* ‘колючка, проволока’ и *нарат* ‘ель’ [КРС 2013: 386]; субстантивный препозиционный элемент *тели* употребляется в позиции определения: *кьарамакьар* – с общим значением ‘ольха’ и значениями составных частей: *кьара* ‘черный’ и *макьар* ‘береза’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]; *бишйьвтал* – с переносным значением ‘плакучая ива’ и значениями составляющих элементов: *бишйьв* ‘котенок’ и *тал* ‘тополь, ива, тальник, верба’ [КРС 2013: 74];

2) в наименованиях кустарниковой растительности: *кьаратегенек (-зи)* – с общим лексикализованным значением ‘держидерево’ (колючий кустарник) и значениями компонентов: *кьара* ‘черный’ и *тегенек* ‘колючка’; *кьаратерекни арасында* ‘среди кустов держидерева’; в этом же лексикализованном значении употребляется двучленное метафорическое сочетание *кьушкьонмас* со значениями ‘крушина’, ‘держидерево’ (из коры крушины изготавливают слабительное лекарственное средство); *сариябушгъан* – с общим преобразованным значением ‘боярышник’ и значениями колоративного компонента *сари* ‘желтый’ и причастного *ябушгъан* ‘прилепившийся’ [КРС 2013: 299]; *обгюзьемии* – с общим метафорическим значением ‘мушмула’ [КРС 2013: 299] и значениями субстантивного компонента *обгюз* ‘бык, вол’, выступающего в функции атрибутивной единицы, и субстантивного компонента *емии* ‘плод, фрукты’, употребляемого в значении имени существительного. Среди наименований кустарниковой растительности в кумыкском языке отмечается единственное растение, название которого функционирует как свободное словосочетание в значении компонентов, сохраняющее функционально-семантическое единство составляющих частей: *агъачюзюм* – с общим значением ‘дикий виноград’ и значениями компонентов: *агъач* ‘дерево, лес’ и *юзюм* ‘виноград’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 299];

3) среди наименований злаковых культур: *шекеркьамуш* – употребляется, как свободное словосочетание с общим значением компонентов ‘сахарный тростник’ [КРС 2013: 452]; значения составляющих частей интерпретируются следующим образом: *шекер* ‘сахар’ и *кьамуш* ‘камыш, тростник’. В лексикализованном значении ‘сахарный тростник’ в кумыкском языке употребляется еще и другое словосочетание *балкьамуш* [КРС 2013: 52], состоящий из двух

компонентов: *бал* ‘мед’ и *къамуш* ‘камыш, тростник’. В кумыкском языке можно отметить еще и другое словосочетание среди знаковых наименований с метафорическим значением: *къарамашакъ* – ‘гречиха’, компонентными значениями являются: колоративное слово *къара* ‘черный’ и общетюркский субстантивный элемент *машакъ* ‘колосья, оставшиеся после жатвы’, функционирующее в некоторых тюркских языках и как *башакъ*;

4) среди наименований цветущих растений встречается устойчивое словосочетание *юлдузчечек* ‘георгина’, состоящее из субстантивного компонента *юлдуз* ‘звезда’, выступающего в позиции определения, и субстантивной части *чечек* ‘цветок’. Данный термин в «Кумыкско-русском словаре» не отмечается, однако его можно встретить в других источниках [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 299]. Терминологическая единица *гѣзот* с общим значением ‘*василек*’ выступает в кумыкском языке как флористическое лексикализованное словосочетание, выполняющее номинативную функцию в составе этой отраслевой лексики; имеет следующие значения компонентов, не функционирующие в лексико-семантической структуре устойчивой конструкции: *гѣз* ‘глаз’ – субстантивный компонент, употребляемый в позиции определения, и *от* ‘трава’ – субстантивный компонент, употребляемый в позиции подлежащего.

В кумыкском языке отмечается еще другое лексикализованное устойчивое словосочетание, не употребляемое в значении составляющих компонентов, а переходящее в разряд простых слов и не зафиксированное в «Кумыкско-русском словаре»: *инжичечек* – с общим значением ‘*ландыш*’; имеет следующие значения компонентов: *инжи* ‘жемчуг’ и *чечек* ‘цветок’. Данный термин можно встретить и в других лингвистических источниках [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]. Слово *инжи* представляет собой субстантивную часть, выполняющую функцию определения.

В кумыкском языке имеет место единственное в своем роде устойчивое словосочетание, состоящее из трех компонентов, выявляющее морфологическое и лексикализованное развитие составляющих частей: *къазаякъот* с общим значением ‘*лютик*’ и значениями формирующих компонентов: *къаз* ‘гусь’ – субстантивный элемент, выступающий в позиции определения, *аякъ* ‘нога’ – субстантивная часть, употребляемая в позиции определения, *от* ‘трава’ – субстантивный компонент, функционирующий в позиции подлежащего. Данное словосочетание в «Кумыкско-русском словаре» не зафиксировано, несмотря на то, что имеет место в народном языке [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298].

В растительной лексике карачаево-балкарского и кумыкского языков существуют лексикализованные словосочетания как неразложимые устойчивые единства, между компонентами которых существует тип синтаксической связи, свойственный первому изафету при отсутствии в составе каких-либо инвентарных единиц морфологии, например, *гѣгюрчюн гѣз* – с общим значением ‘*незабудка*’ и значениями компонентов: *гѣгюрчюн* ‘голубь’ – субстантивная единица, выступающая в позиции определения, и *гѣз* ‘глаз’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]. Компонент *гѣз* функционирует в форме первого изафета с нулевым аффиксом. Среди названий растений в отмеченных языках можно привести еще две

лексикализованные единицы, в которых учитываются синтаксические особенности первого изафета, например, *сыйыр кьуйрукъ* – с общим значением ‘метелка конского щавеля’ [КРС 2013: 360] и значениями компонентов: *сыйыр* ‘корова’ – субстантивное слово, выступающее в позиции определения, и *кьуйрукъ* ‘хвост’ – субстантивная часть, употребляемая в позиции подлежащего; *аткьулакъ* – с общим значением, свойственным разряду простых слов ‘трава, бурьян, зелень’, и значениями компонентов: *ат* ‘лошадь’ – субстантивная единица, выражающая атрибутивное значение в синтагматическом окружении в составе сложной конструкции, *кьулакъ* ‘ухо’ – субстантивная основа, выступающая в роли подлежащего [КРС 2013: 240].

Свободные и лексикализованные геоботанические терминологические наименования объединяются или по семантическому признаку, или по морфологическим особенностям и в структурном отношении состоят из двух или трех частей:

1) колоративного компонента, употребляемого в прямом значении, и субстантивного, например, *кьызыляпыракъ* – с общим значением ‘репейник’ [КРС 2013: 249] и значениями составляющих частей: *кьызыл* ‘красный’ и *япыракъ* ‘лист’; *кьарачён* ‘душица’ [КРС 2013: 221];

2) субстантивного компонента, употребляемого в местном падеже в лексикализованной, изолированной форме, и предикативного в причастной форме, например, *кьалкьыда битеген* – с общим смысловым значением ‘пастушья сумка’ и значениями формирующих частей: *кьалкьыда* ‘на крыше’ и *битеген* ‘растущий’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 299];

3) предикативного компонента, употребляемого в отрицательной форме, и субстантивного, например, *сёнмесечек* – с общим смысловым содержанием ‘бессмертник’ и значениями формулирующих частей; *сёнмес* ‘не погаснет’ и *чечек* ‘цветок’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 299];

4) из трех субстантивных основ, в которых первая часть выступает в позиции определения, например, *эчкимююз терек* – с общим значением ‘акация’ и значениями составляющих частей; *эчки* ‘коза’, *мююз* ‘рог’ и *терек* ‘дерево’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 299]; в ‘Кумыкско-русском словаре’ данное словосочетание интерпретируется следующим образом: *эчкимююз бот.* ‘глядеющий’; ~ *терек* ‘акация’ [КРС 2013: 474].

Среди лексикализованных фитонимических наименований кумыкского языка, в которых теряются значения компонентов, можно отметить конструкции *кьолкьотур* с общим значением ‘гриб’ и значениями составляющих частей: *кьол* ‘рука’ – употребляется в позиции определения и *кьотур* ‘лишай’ [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]; в ‘Кумыкско-русском словаре’ об этой конструкции можно найти следующие сведения: *кьолкьотур бот.* ‘гриб//грибной’; *агьулу* ~ ‘ядовитый гриб’; ~ *шорна* ‘грибной суп’ [КРС 2013: 172]; *тюклюот* с общим значением ‘мох’ и значениями компонентов *тюклю* ‘волосистый’ и *от* ‘трава’; в карачаево-балкарском языке слова *от* ‘трава’ и изафетная форма *оту* ‘травы’ являются наиболее продуктивными терминообразующими компонентами, употребляемыми постпозиционно; слово *от* ‘трава’ как второй компонент встреча-

ется в 33 растительных наименованиях, изафетная форма *оту* ‘травы’ отмечается в 35 названиях; *итбурун* – с общим значением ‘шиповник’ и значениями компонентов: *ит* ‘собака’ – субстантивная единица, выступающая в роли определения, *бурун* ‘нос’ – субстантивная единица, употребляемая в функции подлежащего [Крымханова, Гаджихмедов 2012: 298]; в «Кумыкско-русском словаре» данная конструкция анализируется следующим образом: *итбурун* бот. ‘шиповник’; ~ *чай* ‘чай из шиповника’ [КРС 2013: 172].

Общетюркское интегрирующее лексикализованное словосочетание *итбурун* с общим значением ‘шиповник’, значениями компонентов *ит* ‘собака’ и *бурун* ‘нос’ употребляется только в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка [ТСКБЯ 2002: 132] и карачаевском варианте карачаево-балкарского языка [КБРС 1989: 306].

В некоторых материалах по карачаево-балкарскому языку среди растительных терминов отмечается лексикализованное словосочетание, состоящее из трех частей, неделимое по своему лексическому составу: *ит-тил-чапыракъ* с общим значением ‘подорожник’ и значениями составляющих частей: *ит* ‘собака’, *тил* ‘язык’ и *чапыракъ* ‘лист’ [ТСКБЯ 2002: 131]. Можно обратить внимание и на другое написание данного термина: *иттил чапракъ* ‘подорожник’ [Семенова 2010: 87]; *ит тили чапыракъ* бот. ‘подорожник’ [КБРС 1989: 306].

Лексико-семантической особенностью употребления общетюркской основы *итбурун* ‘подорожник’ является то, что лексемы в прямом значении или значении компонентов функционируют в составе ‘сдвоенных’ названий.

Характерной отличительной особенностью интерпретации производных флористических наименований является их мотивированность или отсылка к лексико-семантическому значению производящей основы. Мотивирующие отношения в языке связаны с производящей основой, а мотивированные – с производной.

Рассмотренные названия растений свидетельствуют о том, что значение мотивированного слова всегда обусловлено значением производящей основы или основ. Лексико-семантические трансформации своеобразно отражаются в лексико-семантической структуре производного слова, то есть оно гораздо многообразнее мотивирующего слова.

Самую большую лексико-семантическую группу флористических наименований в карачаево-балкарском языке составляют немотивированные единицы, которые, с другой стороны, характеризуются как непр производные основы. Среди названий растений к их числу относятся фитонимы, обозначающие деревья и их соматические части. В карачаево-балкарском и кумыкском языках при обозначении дерева и леса употребляется общетюркская лексема *терек* [КБРС 1989: 623; КРС 2013: 388]. В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка общетюркским словом *агъач* обозначается понятие ‘дерево’ [КБРС 1989: 19], а в балкарском варианте – ‘лес’ [ТСКБЯ 1996: 45].

В карачаево-балкарском и кумыкском языках употребляется лексикализованное словосочетание *акътерек*, компоненты которого пишутся слитно. В карачаево-балкарском языке оно имеет значение ‘тополь’ [ТСКБЯ 1996: 104]; в кумыкском языке выступает в значениях ‘осина // осиновый’ [КРС 2013: 27]. В

карачаевском варианте карачаево-балкарского языка словосочетание *акътерек* употребляется в значении ‘осина’ [Семенова 2010: 80]. Словосочетание *акътерек* часто выступает в карачаево-балкарском и кумыкском языках в географической номенклатурной терминологии как апеллатив и как оним [Хапаев 2013: 86]. В карачаево-балкарском языке среди географических названий встречается название местности *Кюнлюм-алмалы*, *местн. на лев. бер. р. Сукан-суу*, выше села В.Жемтала; *кюнлюм* ‘солнечный склон’, ‘пригрев’; *алма* ‘яблоня’ [Хапаев 2013: 222].

Широкоупотребительные общетюркские растительные наименования *агъач* ‘лес’, *терек* ‘дерево’ в карачаево-балкарском языке относятся к немотивированным, непроизводным геоботаническим основам.

В балкарском варианте карачаево-балкарского языка для обозначения всходов, молодых побегов употребляется терминологическая единица *зыгыт* со значениями: 1) ‘всходы’; 2) в позиции определения: ‘взошедший, проросший’; 3) ‘поросль, молодой лес’; 4) в позиции определения: ‘порослевый’; 5) ‘рассада’; 6) в позиции определения: ‘рассадный’; 7) кёч. ‘отпрыск’ (потомок) [ТСКБЯ 2002: 50–51].

В карачаево-балкарском варианте карачаево-балкарского языка для обозначения отростков, молодых побегов функционирует непроизводная, немотивированная основа *джетек* со следующими значениями: 1) *бот.* ‘отросток, пасынок, побег’; 2) *этно.* ‘ветвь, колено, отпрыск’; 3) *геогр.* ‘приток’ (боковой); 4) ‘побочный, вторичный, второстепенный’ [КБРС 1989: 244]. В карачаево-балкарском языке для обозначения ростков дерева употребляется геоботанический термин *чирчик* со значениями: 1) ‘почка, всход’; 2) кёч. ‘ребенок, дитя, малыш’; 3) кёч., ‘начало, исток, зарождение, зародыш’ [ТСКБЯ 2005: 915–916]. От производящей основы *чирчик* и словообразовательного аффикса *-лен* образуется производная лексема *чирчиклен* с возвратным значением [ТСКБЯ 2005: 916]. В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляется лексикализованное словосочетание *тер чирчикле* ‘капли пота’; *тери чирчикле, чирчик барады* ‘пот с него льет градом’ [КБРС 1989: 735]. В карачаево-балкарском языке от слова *чирчиклен* с помощью аффикса *-ирге* может образоваться неопределенная форма глагола со значением ‘появляться’ (о почках); ‘пускать побеги’; *терекле чирчиклендиле* ‘на деревьях появились почки’ [КБРС 1989: 735]. В кумыкском языке в значении ‘новая ветка’ употребляется изафетное словосочетание *терекни гиччи бутагъы* [ШРКС 2008: 427].

Следует отметить, что среди немотивированных фитонимов с компонентом *чегет* в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляются словосочетания *къайын чегет* ‘березовый лес’; *къалын чегет* ‘дремучий лес’; *чегет алмала* ‘лесные (дикие) яблоки’; *чегет къыйыр* ‘опушка леса’; *чегет хауа* ‘лесной воздух’; *чегет къаршы* ‘лесополоса’ [КБРС 1989: 730]. В балкарском варианте карачаево-балкарского языка употребляется свободное словосочетание *къалын агъач* со значением составляющих компонентов ‘густой лес’.

В карачаево-балкарском языке в разряде геоботанической лексики отмечается двухкомпонентное наименование *терек къабугъу* со значением ‘древесная

кора', 'кора древесины', в кумыкском языке употребляется мотивированное растительное название **уьлкюлюк**, образованное от производящей основы **уьлкю** 'кустарник' и инвентарной единицы **-люк**. В карачаево-балкарском языке слово **юлкю** относится к числу немотивированных основ, так как не имеет словообразовательных особенностей.

В карачаево-балкарском и кумыкском языках имеются одинаковые геоботанические названия, отличающиеся друг от друга некоторыми фонетическими особенностями правописания, например: **тёнгек/тёммек** 'пень' [ТСКБЯ 2005: 485]; в кумыкском языке употребляются немотивированные литературные варианты **тоьнгэк/тоьнгьк** [Ольмесов 1997: 172].

Немотивированные (непроизводные) фитонимические основы в карачаево-балкарском языке встречаются в основном среди названий разнообразной растительности, наименований зернокультурных, а также деревьев.

Рассматривая словообразовательные особенности растительных наименований в карачаево-балкарском языке, следует обратить внимание на то, что по своему структурному составу карачаево-балкарские народные названия растений делятся на корневые и производные сложные и составные.

Корневые фитонимы состоят из основ, являющихся неразложимыми словами, например: **тары** 'просо', **алма** 'яблоня', **кертме** 'груша', **терек** 'дерево', **агъач** 'лес', **кьыфча** 'чернослив', **кьына** 'растение, дающее жёлто-красную краску', **бусакъ** 'тополь', **гьойгьун** 'папоротник' (балк.), **ишкилди** (карач.)/**ишхилди** (балк.) 'брусника, черника'. Растительные названия, образованные с помощью аффиксальных морфем, не являются корневыми, а относятся к производному разряду геоботанических лексем.

В компонентах сложных геоботанических единиц отмечаются различного рода фонетические трансформации, например, на стыке препозиционного и постпозиционного компонентов происходит выпадение гласной фонемы, именуемое элизией как в слове **къарагъач** с общим значением 'вяз горный' и значениями компонентов: **къара** 'черный' и **агъач** 'дерево'. Отмеченное фонетическое явление в карачаево-балкарском языке употребляется не в свободных словосочетаниях, а в неделимых лексических основах. Кроме того, они могут выступать в таких слитных сочетаниях, которые получают выборочно в зависимости от лексико-семантических взаимосвязей производной основы и формального компонента постпозиционное морфологическое развитие.

Терминологические единицы, связанные с растительной лексикой в карачаево-балкарском языке, встречаются и в фольклорных текстах, выполняя определенные функциональные нагрузки, а именно употребляются в карачаевских загадках, например, **акъ тау** – **аякъ издан толу** загадка 'белая гора, полная следов' (отгадка **айю тырнакъ** 'акант') [Алиев 1984: 151]; **бети** – **акъ, чачы** – **бурма** загадка 'яйцо белое', волосы кучерявые' (отгадка **акъ кьайын** 'береза белая') [Алиев 1984: 151]; **къара кьантал кие, тюзню** – **тауну сие** 'одевая черный казакин, любя степи-горы' (отгадка **къара кьайын** 'черемуха') [Алиев 1984: 151].

Заключение

В карачаево-балкарском и кумыкском языках флористическая лексика образовалась в отдельных случаях с помощью свободных словосочетаний, выполняющих номинативную функцию. Они выступают как терминологические названия, переходя в разряд фитонимов, становясь частью лексического пласта ономастики отмеченных языков.

В большинстве случаев растительные номинации в карачаево-балкарском и кумыкском языках образовались с помощью лексикализованных словосочетаний, выявляющих метафорическое значение и выступающих с точки зрения лингвистической интерпретации как единственное название представителя геоботанических терминов.

Отдельные фитонимические наименования образовались в результате метонимического переноса значений составляющих частей на общее значение. Отличительная характеристика метафорического значения базируется на описании морфологических особенностей степной и скальной растительности. В отличие от лексико-семантического переноса особенностей растительной терминологии важным в растительных терминах является функциональный перенос.

Анализ лингвистической интерпретации, семантической мотивации словообразовательных моделей растительной отраслевой лексики свидетельствует о том, что окказиально так называемые лексикализованные флористические наименования имеют собирательное значение, обозначают обобщенное понятие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Карачаевские народные сказки. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во (Карачаево-черкесское отд.), 1984. – 216 с.

КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь около 30000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочляева, Х.И. Суюнчев; Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Рус.яз., 1989. – 832 с.

Крымханова, Гаджихмедов 2012 – *Крымханова А.Б., Гаджихмедов Н.Э.* Семантические производные названий растений в кумыкском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С.296–300.

КРС 2013 – Кумыкско-русский словарь. Под редакцией Б.Г. Бамматова. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 528 с.

Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. – Махачкала: издательство ИПЦ ДГУ, 1997. – 309 с.

Семенова 2010 – *Семенова А.Б.* Фитонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2020. – 102 с.

ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. I. А – Ж. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 1016 с.

ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. II. З – Р. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 1168 с.

ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. III. С – Я. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – 1157 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии: научно-популярное издание. – М.: Фонд «Эльбрусоид», 2013. – 574 с.

ШРКС 2008 – Школьный русско-кумыкский словарь. – Махачкала: Лотос, 2008. – 544 с.

REFERENCES

ALIEV S.CH. *Karachaevskie narodnye skazki* [Karachay Folk Tales]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo (Karachaevo-Cherkesskoe otd.), 1984. – 216 p. (In Russ.).

KARACHAEVO-BALKARSKO-RUSSKII SLOVAR' *okolo 30000 slov* [Karachay-Balkar-Russian Dictionary of about 30,000 words] / Karachaevo-Cherkesskii n.-i. in-t ist., filol. i ekonomiki; S.A. Gochlyayeva, Kh.I. Suyunchev; Pod red. E.R. Tenisheva i Kh.I. Suyuncheva. – M.: Rus.yaz., 1989. – 832 p. (In Russ.).

KRYMKHANOVA A.B., GADZHIKHMEDOV N.E. *Semanticheskie proizvodnye nazvaniya rastenii v kumykskom yazyke* [Semantic Derivatives of Plant Names in the Kumyk Language]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2012. – № 4. – P. 296-300. (In Russ.).

KUMYKSKO-RUSSKII SLOVAR' [Kumyk-Russian Dictionary]. Pod redaktsiei B.G. Bammattova. – Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 2013. – 528 p. (In Russ.).

OLMESOV N.KH. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoi sistemy kumykskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Comparative-Historical Study of the Dialect System of the Kumyk Language. Phonetics. Morphology]. – Makhachkala: IPTs DGU, 1997. – 309 p. (In Russ.).

SEMENOVA A.B. *Fitonimicheskaya leksika karachaevo-balkarskogo yazyka* [Phytonymic Lexicon of the Karachay-Balkar Language]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2020. – 102 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. *V trekh tomakh. I. A – Zh* [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. I. A – Zh]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1996. – 1016 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. *V trekh tomakh. II. Z – R* [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. II. Z – R]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2002. – 1168 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. *V trekh tomakh. III. S – Ya* [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. III. S – Ya]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – 1157 p. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii: nauchno-populyarnoe izdanie* [Geographical Names of Karachay and Balkaria: Popular Science Edition]. – M.: Fond «El'brusoid», 2013. – 574 p. (In Russ.).

SHKOL'NYI RUSSKO-KUMYKSKII SLOVAR' [School Russian-Kumyk Dictionary]. – Makhachkala: Lotus, 2008. – 544 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

Л.Х. Махиева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

B.A. Musukov – Doctor of Philological Sciences.

L.Kh. Makhieva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.